

Александръ Амфитеатровъ.

282
314.

ПСИХОПАТЫ.

ПРАВДА и ВЫМЫСЕЛЪ.

*Иуда. — Казнь. — Онь. — Обожаиѣ. — Послѣ
дугли. — Братъ и сестра. — Разрывъ. —
Сказка темной ночи. — Сонъ на яву. — Мо-
лодо-зелено. — Въ житейскомъ муравейникѣ.*

№ 57499.
~~№ 57499.~~

20219

МОСКВА.

„РУССКАЯ“ ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ, ТВЕРСКАЯ. Д. ГИНЦБУРГА.

1893.

ОТЛАВЛЕНІЕ.

Отъ автора.

Собранные въ этой книжкѣ рассказы печатались предварительно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, „Новостяхъ Дня“, „Новомъ Обозрѣніи“ и въ другихъ ежедневныхъ изданіяхъ.

	Стр.
I. Іуда	1
II. Казнь	11
III. Онъ	26
IV. Обожаніе	38
V. Послѣ дуэли.	54
VI. Братъ и сестра	72
VII. Разрывъ	89
VIII. Сказка темной ночи	106
IX. Сонъ на яву	117
X. Молодо-зелено.	
I. Исторія одного злосчастнаго дня	129
II. На водѣ	147
XI. Въ житейскомъ муравейникѣ.	
а) Двѣнадцатое января	159
б) Отравитель	164
в) Первая пощечина	168
г) Любитель	173
д) Какъ умирають москвичи	178

І У Д А.

Солнце въ зенитѣ. Раскаленные его лучами пески пустыни стелются далеко на четыре стороны свѣта, разбѣгаясь отъ желтыхъ скатовъ невысокой гряды скалистыхъ и бесплодныхъ холмовъ, испещренныхъ темными отверстіями ущелій, узкихъ и глубокихъ, какъ колодцы. Тихо. Когда рушится гдѣ-нибудь съ обрыва камень, обветшавшій въ долгой борьбѣ съ солнцемъ и вихрями этой безотрадной глуши, шумъ паденія разносится въ безвѣтряномъ пространствѣ на двѣ, на три мили кругомъ. Птицы молчаливо скрылись въ низкорослыхъ кактусахъ, краснокрылые кузнечики изнемогли отъ зноя и не въ силахъ приняться за свои трескучія пѣсни. Пестрые змѣи свернулись клубками на горячей землѣ, черные ужи выползли изъ трещинъ скалъ на изсохшія русла дождевыхъ потоковъ и, вытянувъ свои узкія, длинныя тѣла, какъ палки, лежатъ глубоко зарывъ головы подъ камни. Пустыня спитъ — величественная, неподвижная и безмолвная, какъ сама смерть.

Но вотъ, въ ея нѣмомъ просторѣ показался человѣкъ. Весь въ поту, едва переводя духъ, спотыкаясь, онъ выбѣжалъ изъ ущелья на вершину одного изъ холмовъ и остановился. Погруженный въ глубокія думы, онъ потрясалъ головой, разводилъ руками и громко говорилъ самъ съ собою. Его глаза, — большіе и блестящіе, какъ

у испуганнаго орла,—не мигая, устремились въ ослѣпительную даль, гдѣ земля сливалась съ темносинимъ небомъ, едва отдѣленная отъ него блестящей линіей солончаковъ и водъ Мертваго моря. Голубоватый воздухъ струился тамъ, какъ вода, и въ его прозрачной зыби рѣяли неясныя тѣни,—опрокинутыя отраженія города съ плоскими кровлями, бѣломраморнаго храма, замка съ грозными бойницами въ крѣпкихъ стѣнахъ. Человѣкъ на холмѣ вглядѣлся въ рисунокъ миража, вздрогнулъ и закрылъ глаза. Онъ узналъ городъ, показанный ему маревомъ: то былъ Іерусалимъ. Оттуда бѣжалъ онъ сегодня съ утренней зарею въ эти забытыя Богомъ, ненужныя человѣку, дикія мѣста.

Бѣжалъ отъ кого? Онъ самъ не зналъ. Если и были у него враги въ святомъ городѣ, то слишкомъ малочисленные и ничтожныя, а защитниковъ отъ ихъ гнѣва, могучихъ, богатыхъ и властныхъ, человѣкъ на холмѣ нашелъ бы много. Онъ только-что оказалъ Іерусалиму важную услугу: спасъ страну отъ религіозной смуты, готовой потрясти изъ края въ край оба берега мутныхъ водъ священнаго Іордана. Онъ вырвалъ изъ среды учениковъ виновника смуты,—этого Іегошуа Гавоцри *). Кто вчера крестною казнью оплатилъ свои странныя новыя вѣрованія и смѣлость неслыханнымъ ученіемъ прощенія и любви отрицать вѣковую святыню суровыхъ завѣтовъ Моисея. Лишь съ его помощью охранители старой вѣры и римляне, блюстители страны, могли овладѣть этимъ непостижимымъ, вдохновеннымъ существомъ, четыре года волновавшимъ іудейскіе предѣлы, покорявшимъ себя колѣна народа израильскаго безъ меча и копья,—силою живого слова и примѣромъ чистой жизни,—творившимъ чудеса, удивлявшимъ пророчествами и неуло-

*) Іегошуа Гавоцри — Іисусъ Назарянинъ (талмудическое наименование).

вимымъ подъ охраною народной любви. Воля человѣка на холмѣ остановила успѣхи Іегошуа Гавоцри и связала на вѣки свѣтлое имя Учителя съ именемъ предаваго его ученика, Іуды Искаріота. Въ Римѣ человѣкъ, открывшій заговоръ, удостоивался мѣдной статуи и причислялся къ отцамъ отечества,—а Іуда сдѣлалъ больше... И все-таки онъ бѣжалъ! И если-бы въ дикомъ краю, куда завело его безостановочное бѣгство, были не однѣ змѣи, птицы и стрекозы, онъ бѣжалъ бы еще дальше, потому что видъ человѣческаго лица былъ ему страшенъ и ненавистенъ, а сегодня утромъ, оставляя Іерусалимъ, онъ читалъ такой же испугъ и ненависть въ глазахъ встрѣчныхъ прохожихъ. Онъ не зналъ ихъ. Они не принадлежали къ послѣдователямъ казненаго Пророка; Іуда зналъ въ лицо всѣхъ, признавшихъ Іегошуа сыномъ Бога и потомкомъ Давида, царемъ іудейскимъ. За что-же они ненавидятъ его и боятся? И только, когда утомленный ходьбою и зноемъ, онъ склонился надъ цистерною, гдѣ почерпнулъ воды въ дорожный мѣхъ,—онъ понялъ: со дна колодца глянуло на него, въ рамкѣ спутавшихся волосъ и бороды, страшное лицо земляного цвѣта, съ обострившимся носомъ и подбородкомъ, впалыми щеками; сверкнули недобрымъ огнемъ огромныя воспаленныя глаза. Онъ едва повѣрилъ, что видитъ себя въ этомъ, полномъ безумія, злобы и страха, призракѣ и съ трепетомъ спросилъ себя: „какъ же случилось, что я сталъ такъ ужасенъ?“ Іуда вспомнилъ, что вотъ уже два дня, какъ онъ не умывался, не причесывалъ волосъ, не мѣнялъ одежды, не исполнялъ ни одного обряда, предписаннаго закономъ и священнымъ обычаемъ страны... Да! именно два дня, съ той самой ночи, когда онъ тайкомъ прокрался въ масличный садъ и, заставъ Равви на молитвѣ, указалъ на него скрытымъ за деревьями войнамъ римскаго проконсула. Іуда отбѣтилъ

его поцѣлуемъ... Учителя схватили. Борьбы не было. Иегошуа былъ спокоенъ и кротокъ, оробѣлые ученики только плакали и ломали руки; одинъ лишь Кифа, смуглый, широкоплечій галилеянинъ, вспыльчивый, гордый и глубоко преданный Учителю, выхватилъ мечъ и бросился на ближняго къ себѣ стражника, но слово Иегошуа стало преградою между ударомъ и жертвою, и Кифа, бросивъ мечъ, скрылся въ темнотѣ. Пророка увели. Факелы погасли въ отдаленіи; звяканье оружія и шумъ голосовъ замерли; садъ снова невозмутимо облегла темно-синяя южная ночь съ громадными яркими звѣздами, съ узкимъ серпомъ мѣсяца, едва сквозящимъ черезъ маслянистую листву, съ таинственнымъ шумомъ горныхъ потоковъ. Это—послѣднее, что осталось въ памяти Іуды... А потомъ? Потомъ начались мысли, — тѣ неутолимые мысли, что сдѣлали ему, спасителю отечества, невыносимыми родину и самую жизнь, выгнали его изъ святаго города прочь отъ людей, къ гадамъ и птицамъ пустыни...

И теперь, стоя на окраинѣ крутого холма, Іуда продолжалъ свои думы и самъ удивлялся и не понималъ, что не можетъ остановиться въ нихъ и отвести мысль отъ Иегошуа Ганоцри. Его и озлобляло и страшило это безсиліе воли. Онъ боялся, что воля навѣки его покинула, что отнынѣ онъ уже не властенъ управлять своимъ умомъ, что мысль его померкла. Онъ въ суевѣрномъ ужасѣ чувствовалъ надъ своею головою могущество чуждой враждебной казнящей силы, и въ сердцѣ его мучительно царило боязливое сомнѣніе объ этой силѣ. Онъ не зналъ, кому приписать это грозное обояніе—тому-ли князю бѣсовъ, чьимъ служителемъ называли казненного Пророка люди стараго завѣта; или необъятному божественному небу, чьимъ сыномъ и повелителемъ Онъ звалъ себя самъ?

Дитя грубаго, жестокаго вѣка, взращенное на почвѣ, пропитанной кровью поколѣній, въ междоусобныхъ бра-
няхъ, Іуда ужасался не того, что сталъ причиной смерти чело-
вѣка. Кто изъ самыхъ праведныхъ во Израилѣ не носилъ на себѣ крови ближняго? — думалъ онъ. Царь Давидъ, ради сладострастной прихоти, приказалъ умертвить невиннаго Урію, и небо простило его, когда онъ очистился покаяніемъ. А кто погибъ моими страданіями? Преступникъ, возмутитель мира страны. Иегова не можетъ мстить мнѣ за Того, Кто запрещалъ кровавыя жертвы, отменялъ субботу и благочестіе старцевъ фари-
сейскаго толка, протягивалъ благословляющія руки къ язычникамъ Тира и Сидона, не стыдился общества мытарей и блудницъ! И Іудѣ вспомнился знакомый юноша изъ богатаго дома, по имени Савлъ, воспитанный въ строгихъ правилахъ ветхаго іудейства: онъ видѣлъ этого молодого фанатика въ тотъ день, когда озвѣрѣвшая толпа, волнуясь и гудя, какъ море въ грозу, подъ окномъ римской преторіи требовала отъ игемона казни Иегошуа. Савлъ былъ одной изъ самыхъ ярыхъ волнъ этого свирѣпаго моря,—въ его пламенныхъ глазахъ, въ румянцѣ смуглаго лица Іуда могъ прочесть, какъ дорогъ юношѣ его древній, суровый, молніеносный, неназываемый Богъ мести до седьмого колѣна,—Богъ, который цѣлыя тысячелѣтія боролся на этой священной землѣ за кровь возжигаемыхъ жертвъ то съ Астартою и Дагономъ, то съ Озирисомъ и Изидою, то съ Венерою и Зевсомъ, и всѣхъ побѣдилъ и грозно возсѣлъ на Сіонѣ, мстительно-ревнивый къ своей власти. Іуда вспомнилъ первосвященниковъ и судей синедріона — важные, холодныя, сѣдобородыя лица съ написаннымъ на нихъ сознаніемъ необходимости исполнить жестокой долгъ и казнью одного спасти вѣками установленный порядокъ для всѣхъ. Вспомнилъ онъ еще одно лицо —